

нотированный именной указатель" был заранее направлен на просмотр и редактирование в русистические и славистические институты и на кафедры ведущих вузов.

Впрочем, предварительный сторонний взгляд был бы отнюдь не лишним для всей энциклопедии – между тем в книге нет сведений даже о титульных рецензентах. К сожалению, келейность подготовки издания никоим образом не могла способствовать устранению отмеченных недостатков. Речь вовсе не идет о "ловле блох" – хотя, конечно, лучше не "чесаться", а вылезти из них. Дело в другом: энциклопедия "Русский язык" – это лицо современной отечественной русистики, и не хотелось бы видеть на этом лице ни следов затянувшейся юношеской незрелости, ни признаков рамольтического разложения. Слишком высок уровень большинства статей по синхронной и теоретической лингвистике, по источниковедению и культурно-исторической тематике, чтобы безропотно наблюдать, как на страницах энциклопедии проливают невежество и халтура – которые,

смейте уверить, отнюдь не определяют облик современной исторической русистики*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будде Е.Ф. 1901 – Из истории русского литературного языка конца XVIII и начала XIX века // ЖМНП. 1901. Ч. 333.
Дюроуиш Л. 1980 – // RLing. 1980. V. 5. Рец.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1997 – Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., испр. М., 1997.
Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
РЯ 1979 – Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
Унбеган Б.-О. 1995 – Русские фамилии / Пер. с англ.; общ. ред. и послесл. Б.А. Успенского. 2-е изд., испр. М., 1995.
Unbegaun B.O. 1959 – Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica, Oxonii A.D. MDCXCVI. Oxford, 1959.
Unbegaun B.O. 1972 – Russian surnames. Oxford, 1972.

В.Б. Крысько

Большой толковый словарь русского языка. СПб.: "Норинт", 1998. 1536 с.

Институт лингвистических исследований Российской академии наук выпустил Большой толковый словарь русского языка (БТС-98). Составитель и главный редактор С.А. Кузнецов. Уже беглое знакомство с этим словарем свидетельствует о том, что перед нами – яркое произведение русской лексикографии.

Этот словарь полнее других (в частности, при своих 446,42 уч.-изд. листах, он в три раза объемнее известного одностомного толкового словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, который имеет в издании 1997 – 145,7 уч.-изд.л.). Полнота ощущается не только в доведении словника до 130000 слов, но и в усилении информативности словарных статей.

Новизна и общеизвестность, актуальность и жизненная необходимость принятых в словарь слов сразу обращают на себя внимание. Научность словаря сочетается с его доступностью и открытостью для читателя малоподготовленного и не искушенного в словарном деле. Ясность и четкость трактовки слов удачно уживаются со стремлением к сжатости и краткости.

Впервые в отечественной лексикографической традиции в толковом словаре нашлось место для разговорно-окрашенного и сниженного лексического пласта действи-

тельно активных и всем известных слов (многие из которых, увы, не служат украшением нашей речи, однако не могут продолжать оставаться без внимания со стороны ведущих словарей). Наконец появился словарь, который отказался от неграмотной пометы "просторечие". Если в теоретической русистике возникло недоразумение – недопустимая двусмысленность этого термина (1. – сниженность, разговорность и 2. – неграмотность, сигнал необразованности), то тащить эту несуразность в словарь, где нет возможности при каждой поставленной помете "прост." извиняться за ее применение, практически невозможно. За один этот отказ от такого просторечия данный словарь должен быть особо отмечен.

Основное достоинство БТС-98 в том, что он богаче и точнее других. В нем есть все (гиперболично, конечно). Это заметно отличает его от аналогичных словарей. Проблема семантизации и омонимии решена в основном правильно.

Рецензия на словарь необыкновенно

* Рецензия написана в период стажировки автора в Упсальском университете, субсидированной Шведским фондом интернационализации высшего образования и исследований (STINT).

сложна. Она требует такой же громадной работы, которую проделали составители. Но даже отдельные дискуссионные моменты, частные замечания и предложения могут оказаться полезными при совершенствовании словаря. Ведь безукоризненно готовым он практически никогда не бывает.

Дискуссионные моменты можно подразделить на два вида. Одни являются типичными для большинства словарей, другие характерны главным образом для обсуждаемого словаря. Построение словника, омонимия, размещение семем в регулярном и частном применении (проблема так называемых оттенков значения), разграничение словообразования и формоизменения (например, решение вопроса, когда уменьшительности обретают свою, отличающуюся от прототипа специфику и когда нет) — все эти и им подобные проблемы постоянно приходится решать составителям словарей. К чести авторов БТС-98, они очень квалифицированно находят нужные решения в самых сложных случаях.

Точность толкования зависит от принятия во внимание парадигматических отношений, насколько полно учтено отличие от синонимов, соответствующая позиция среди когипонимов, правильность отнесенности к гиперониму. Всегда ли это гарантировано в словаре?

Когда омонимичность возникает из полисемии, никаким "взвешиванием", никакими дополнительными псевдокритериями нельзя подтвердить, состоялся или нет семантический отрыв вторичного значения от первичного. Большой шум вокруг распада многозначности в 50–60-е гг. привел не столько к повышению бдительности по поводу фиксации омонимов, сколько к неоправданному увеличению числа омонимов в словниках и, в конечном счете, к порче словарей. Данный словарь во многом остается верным мизмизму слова, однако, в отдельных случаях предпочитает омонимичную подачу слов, не имеющую должного основания.

Когда БТС-98 разбивает на омонимы такие слова, как *досадить*, *жаба*, *клетать*, *залив*, *заломить*, *просветить*, *замолчать*, *сальность* и т.п., это не встречает поддержки. С удовлетворением можно, однако, заметить, что омонимический "зуд" не типичен для БТС-98.

Толкование некоторых слов трудно принять безоговорочно: *жлоб* — это и скряга, *места не столь отдаленные* — не только ссылка, но и туалет, *жопа* (*перен.*) — скорее рохля, человек упустивший шанс, чем "скверный, отвратительный человек", *мудак* — это скорее дурак, ничтожество, чем

"нудный, докучливый (?) неудачник". Пометой *нецензурное* словарь не пользуется. И напрасно.

Не лишней была бы дополнительная редакция по метонимичному словоупотреблению. Так, например, словарь не дает для *окна* значения "оконное стекло" (мальчишки разбили окно на втором этаже), "оконная рама" (после двери покрашу окно), "подоконник" (цветы стоят на окне, поставить что-л. на окно, снять что-то с окна); для *кино* — "сеанс" (после кино пойдем в дискотеку), для *телефона* значение "телефонный разговор": это не для телефона, обсудим при встрече; "телефонный звонок": *Ира, телефон!* = телефон звонит.

Избыточность сообщаемых в словаре сведений — извечная лексикографическая проблема, очень тонкая и с трудом находящаяся правильная решение. Необходимы ли при *кулебяке* признак "продолговатый", при глаголе *возникать* — вмешиваться, "высказывать недовольство, несогласие" (?) (разве недовольство здесь обязательно?)? *Алтарь* толкуется с позиций православной церкви. Следовало бы учесть и католическую (принять во внимание нецелесообразность упоминания и к о н о с т а с а). Борода *бородача* необязательно должна быть большой (92 с.). Ходить *пешком под столом* (830 с.) нелепо заканчивается "о не помнящем себя ребенке" *Жетон* бывает не только металлический, но и пластмассовый. Признак материала, из которого он изготовлен, излишен. *Лансердак* объясняется как шюртук польских и галицийских евреев. Это этимология, и для раскрытия семантики она не обязательна. *Забрить* в армию не дается, зато приводится исторический комментарий 1874 г.

Другое дело, когда не до да ч а информации бедит семантическую картину. Для слова *негры* момент эксплуатируемости можно было бы добавить; *перелопатить* (*перен.*) означает еще проработать большой материал (в БТС есть только конкретное значение). *Европеец* (в дополнение к приведенному) следовало бы дать как "идеализированное, представление о человеке высшей цивилизации": Иванов — е в р о п е е ц, человек культурный и тонкий. Покритиковать он сумеет достойно и тактично. Это деревня (человек) лезет спорить с е в р о п е й ц а м и, которые мыслят совсем иными, не нашими категориями. *Азиат* — дополнительное употребление символизирует отрицательные качества отсталых людей: Куда нам, а з и а т а м, соваться на эту международную выставку! Часто задают

вопрос: что русские больше европейцы, чем а з и а т ы, или наоборот?

Некоторые толкования нуждаются в уточнении. *Кудыкать* – это не обязательно и а в а з ч и в о спрашивать: Куда? В некоторых деревнях считалось, что вопрос: *Куда?* приносит неудачу. Поэтому он был нежелателен, и на него отвечали "Ну з а - к у д ы к а л! (или нечего кудыкать!) – Теперь пути не будет. Бранное употребление слова *козел* следовало бы дать под самостоятельной цифрой. "Упорствующая глупость", вызывающая раздражение как основной признак ругательства *козел*, неправильна. В словарной статье *сидеть* в пункте третьем говорится "находиться в каком-л. месте в каких-л. ц е л я х (!) обычно длительное время" и приводится наряду с другими пример: В ноге сидит осколок (о старом ранении). Спрашивается, с какой ц е л ь ю? Не лучше ли было это поместить в восьмом пункте "быть скрыто расположенным (вместо спрятанным)"?

Нет для слова *деревня перен.* невежда. К слову *принципиальный* следовало бы добавить 4. *разз.* упрямый, несговорчивый, чинящий препятствия. В статье *пиратский* нет примера "пиратское издание".

Проскочить дается с тремя разговорными значениями без фиксации еще одного: "попасть куда-л. в нужный момент, вовремя" (но без всякой х и т р о с т и, которая упоминается в пункте 3): Он проскочил в доктора (наук), когда это было легко; со своим заявлением на путевку он успел проскочить до ликвидации санатория; до перерыва еще были билеты, и он успел проскочить. Оказаться *удачливым* совсем не связано с уловками и изворотливостью. Слово *самка* о женщине всегда отрицательно и навязывать ему значение "семьянинка" нельзя. Производное значение *песни* (долгая, старая, лебединая песня, тянуть одну и ту же песню) целесообразнее дать самостоятельной семемой, а не включать во второй пункт *пение птиц* (соловьиная песня, песня жаворонка).

Вульгаризм *просрать* толкуется: 1. – потратить, 2. – проиграть. Разве это не упустить, пропустить, не учесть, не заметить? Нет употребительного управления *насрать* на кого-л. что-л.

Наряд воен. это не только "задание, работа, выполняемая военнослужащими", но и "дисциплинарная мера, легкое наказание солдат": дать, получить наряд вне очереди.

Дополнительное значение слова *огарок* объясняется как "заморыш" (?), тогда как это "хулиган" (см. Словарь Ушакова).

Словоупотребление собирательного существительного со значением единичности не всегда учитывается: *пьянь, шоферня, матросня*, в то время как для слова *шпана* это упоминается.

Следовало бы уточнить для слов *дядя, тетя*, что они применяются детьми в сочетании с разговорным вариантом личного имени: *дядя Коля, тетя Надя*, когда имеются в виду неродственники.

БТС-98 не всегда учитывает модификацию семантики в результате сокращения словосочетания и поглощения словом значения соседствующих компонентов: *возраст* – не только количество прожитых лет, а и "продвинутый" возраст: *он уже в возрасте; с возрастом здоровье не становится лучше; голос: певческий, хороший голос; голоса нет, а на сцену лезет; у нее и голос, и музыкальность, и игра; органы – госбезопасности; форма (хорошая, подобающая): быть в форме; поддерживать форму, не терять форму; Союз: СССР; Штаты: США.* В статье *анализ* (в мед. сфере) требуется метонимическое уточнение "определенное количество того, что подлежит анализу": *принести, сдать, поставить в установленное место, сгустать, передать с кем-л. свои анализы.* Процесс (произведение) анализа и его результат словарем учтены.

Отрадно, что не выделенное в самостоятельное значение компенсируется типовым его употреблением. Именно в этом направлении представляется, например, возможность учитывать случаи, когда обозначение отдельных органов и частей тела или функций с подразумеваемым состоянием болезни без словесного обозначения этого свойства просто дается как пример с возможным попутным комментарием: *Бабушка вполне здорова, если бы не глаза. С чем он лежит в больнице, что у него? – Печень.* Вполне понятно, что на автономное значение в полисемии подобные явления претендовать не могут.

В БТС-98 нет эвфемистических буквенных сокращений (произносимых не по правилам орфоэпии): *бэ, гэ, жэ, хэ, рэ.*

В отдельных случаях порядок расположения сведений словарной статьи мог бы быть уточнен. Например, при слове *ух* выделено в конец выражение *по уши* (1. глубоко, 2. сильно), тогда как *По уши в долгах* неожиданно попало в конец пункта второго.

В статье *язык* во втором значении предполагается о р г а н р е ч и, а примеры приводятся: *Длинные языки; злые языки; на язык остер.*

Крестный отец, посаженный отец выходят за пределы толкования пункта первого (мужчина по отношению к своим детям).

Почему **конь (еще) не валялся** не попало за ромб, а упоминается в основной части статьи?

Фразеологизмы распределены не по отдельным значениям (в случае полисемии), а под ромбом в конце статьи. Целесообразность этого зачастую сомнительна, особенно когда положение осложнено регистровыми пометами или их недодачей. Последнее, к сожалению, типично.

Разговорность фразеологизмов словарем очень часто не отмечается. Это становится упущением особенно тогда, когда окраска основного слова/значения расходится с окраской идном: **С заком** (с лишним, с лишком) нужно было бы дать как **разговорное**: **А "Ехать километров 30, да так — десять"** — как **нар. разг.** В словаре это представлено. Например, **гайка**, слово нейтральное, имеет разговорные фразеологизмы: **гайка слаба, завинчивать гайки**, а словарь эту помету пропускает. Однако **свой в доску, под метлу, сидеть мешком** (об одежде), **поставить на место кого-л.** пометы все же имеют.

Устарелость фразеологизмов требует большей решительности, чем это обнаружено в словаре. **Бить баклуши** очень активно во фразеологических работах (с легкой руки В.В. Виноградова) и совершенно неупотребительно в современном языке. **Наше вам с кисточкой!** хотя и не столь древне, но непопулярно сейчас безусловно.

БТС-98 явно недооценивает возможную семантическую природу ряда слов в роли обращения. Не зафиксированы хамские: **Мужчина! Выход вон в ту дверь. // Женщина! Куда вы лезете?** В отличие от других языков, в русском допустимо анонимное обращение к незнакомому: **Мальчик, где здесь метро? // Девочка, на каком этаже 79 квартира? // Ребята! Папаша! Дедуля!** Как это отразить в словаре? БТС-98 чаще, чем дозволено, уходит от этого. Допустимо ли простонародное обращение к незнакомому старшему по возрасту: **Отец!** считать сниженным?

Обсуждаемый словарь не сумел полностью избавиться от традиционной необоснованной пометы **ласк.** для ряда diminutivov: **Ольховые шишечки; ограда в шишечках. Вязка, узор шишечками** — Кто кого здесь ласкает? Ласкательными считаются **лопатка, бумажный мешочек, мерочка,**

гвоздик, бровнышко, лужок. Неплохо было бы от этого лексикографического анахронизма отказаться (что и делается в словаре со словами **молоточек, виштик, клеточка** и др.).

Рыбки хочешь? Это не ласка, а вежливость, предупредительность, внимание к людям. Еще примеры из этой области: **Золушка скорее ирон. или язвнт., чем ласкат.; почему шажочек усилит.?** почему **ружьишко пренебр.,** тем более с примером: **"Взять бы ружьишко и махнуть в лес"?**

Некоторые частеречные характеристики, предлагаемые словарем, вызывают возражение: **фильм — сила!** в значении междометия (?); **пофигу** — нареч. и в функции сказ. (?) разве в сказуемом это перестает быть наречием?; разве **боком к окну, боком к выходу — боком** употреблено в значении предлога?; **прикол!** (здорово!) в зн. междометия (?); **ченуха!** в зн. междометия (?); **извиняюсь** в зн. междометия (?); **отвали!** в зн. межд. и т.д. и т.д. От подчеркнуто эмоционального применения оценочного существительного или глагола превращения его в междометие, по крайней мере в упомянутых случаях, не происходит. Есть же разница в словоупотреблениях типа: **боже мой!, вот черт!, елки-палки!**, с одной стороны, и **"это все — мура, мусть, словоблуд, стёб"**, с другой, хотя бы в степени знаменательности. Позволятельна ли такая "революция" в грамматике, да еще втиснутая в словарь?

Упущением БТС-98 является недоучет асимметричных форм с отрицанием, когда их соответствия без отрицания не применяются: **Он надрылся целый день и не присел ни разу; он не просыхает** (постоянно пьян); **нельзя оторваться от этой книги; из Парижа она не вылезает** и т.п.

Принятое сочетание гнездового принципа подачи производных с вынесением их в словник вполне приемлемо. Только всегда ли оно достаточно согласовано друг с другом?

Учет коммуникативных клише в БТС-98 мог бы быть полнее. Отсутствуют стереотипные фразы угрозы и предупреждения: **Учи! Так и знай! Я тебя сделаю! Смотри у меня! Молчи уж! Сиди уж (и не рыпайся)! И не чирикай!** Особенно трудно подавать в словаре клише, состоящие из полузнаменательных и служебных слов: **Я тебе!! Ну давай!** (до свидания!); отсутствуют военные команды: **Шагом марш! Запевай! Левою, лево! Оправиться, покурить! Налево! Направо!**; фраза милиционера задержанному:

Пройдемте!; стереотипы: *Хорошо сидим!* (за столом); *Поехали!* (выпьем еще!); *Извините!* (предваряющее следующее за ним неприятное высказывание); *Отдыхай!* (вон!).

Разграничение сниженности на аксиологической и регистровой шкале – вопрос очень сложный и тонкий. Его решение в словаре иногда спорно. По нашему мнению *беспрдел, обвал, гадюшник, гзлеушник, жид, хохол, качан* имеют скорее оценочную, чем стилистическую сниженность.

До сих пор говорилось о дискуссионных положениях БТС-98, являющихся нашим общим злом словарного дела. Это тонкости, решение которых часто оборачивается ошибками, просчетами и может считаться своеобразным, лексикографическим "профзаболеванием". Кроме этого данный словарь грешит еще следующим. В отличие от своих предшественников, он включает довольно обширный сниженный слой, правда, останавливаясь перед самой окаянной дюжиной неприличных слов, и квалифицирует его завышенно, легализируя неприличное и даже нецензурное.

Принятые стилистические пометы в принципе возражений не вызывают, но то, как они интерпретируются, не всегда убедительно.

Почему помета *нар.-поэт* отнесена в Предисловии к книжной форме современного языка? (15 с.). Почему *жарг.* связывается только с имитацией условного языка социальных групп? (15 с.).

Трудно согласиться с тем, что *бабка* разг.-сниж. Это слово многозначно. В одном из значений оно нейтрально: *бабка у него была француженка*, в другом – разговорно: *бабка – простая пожилая женщина: Ну что ты, бабушка, со своими мешками здесь расселась!* Это употребление уже разг.-сниж., *Обязала голову несколькими платками как деревенская бабушка!* Сниженность при этом можно было бы не подчеркивать. Например, если *Наше вам!* считается *фам.*, то почему *свой в доску* дано без пометы?

Нелитературность слова *волос* в ед. ч. (вместо литературной формы во мн.ч.) не отмечается. Употребление *Волос у меня черный, густой* считается разговорным, тогда как оно простонародно!

Странно в отдельных случаях нарушение принятого в словаре местоположения регистровых помет. Вместо практикуемого во всем корпусе помещения их после толкуемого слова, неожиданно и совсем немотивированно вводится для вариантов

заголовочного слова (см. § 40, с. 15) *п р е - п о з и т и в н о е* приведение помет: *устар. воинская повинность*; разг. *идзало*; *устар. цыганы*. Это – ошибка и при том более серьезная, чем кажется составителям, потому что она вводит читателя в заблуждение. Так, после *цыганы* идет *устар.*, а относится эта помета должна не к ним, а к следующему за этим словом *цыганы*; аналогично недоразумение с выражениями *знать толк* и *знать прок* – то, что простонародность должна относиться к *проку*, трудно понять из-за запутывающего расположения пометы.

Двойная помета *груб.-вульг.* едва ли оправдана. *Груб* – это то, что связано с табуированными понятиями, т.е. то, что при соблюдении приличий, как правило, заменяется эвфемизмом, а выражения *вульг.* – это намеренное предпочтение сильно сниженного и нелитературного для тех денотатов, которые в норме имеют вполне нейтральные названия, с целью бравады или по незнанию. Помета *фам.* практически не получила четкой идентификации. Применяется она довольно редко и маловразумительно.

Русисты идут на поводу у неграмотности (по-видимому, по вполне понятной причине учета потенциального перехода единицы из низшего слоя в нейтральный). Этот весьма сомнительный взгляд пагубно отражается на культуре речи. "Нормализаторского" подхода русисты остерегаются, и, на наш взгляд, совершенно необоснованно. К чему приводит попустительство в педагогике (ср. Б. Спок) общеизвестно.

Конечно, ни один словарь не в силах остановить засорение, огрубление, эстетическую деградацию языка. Надеяться на успех такой оздоровительной деятельности наивно, но проходить мимо этого нельзя. Если русский читатель, на худой конец, как-нибудь сам разберется или его все равно не переубедить (есть такой предрассудок – "Моя речь всегда правильна"), то колеблющегося и сомневающегося можно все-таки наставить на путь истинный. А думают ли составители словаря о его резонансе за границей? Ведь иностранцы будут его основными читателями. Нуждающееся в осуждении и запрете воспримут недостаточно знающие русский язык как разрешение и дозволенность благодаря неоправданной толерантности к тому, что находится "на дне" лексики.

Как бы словари ни ошибались, к ним существует доверительное отношение, от них ждут совета, рекомендации, разъяснения. Их общественная роль инструктивна.

Такова традиция, и не следует ее нарушать. Читатель хочет знать, как выразиться правильно, что считается нормой, образцом. Как бы трудно в отдельных случаях ни было давать рекомендации, уклоняться от них непозволительно. Употребительность, как известно, сама по себе далеко не достаточна для принятия слова нормой. Распространенность ошибки – это объект для обсуждения и отнюдь не для признания. Упадок общей культуры и языковой в частности – это национальное бедствие, равнодушным быть к которому нельзя. Когда полыхает лесной пожар или происходит наводнение, нельзя оставаться наблюдателем, надо спасать положение всеми силами. Когда язык низвергается в нечистоты, надо действовать, использовать школу, средства массовой информации, бить тревогу, а не сидеть сложа руки, да еще не кому-нибудь, а русистам подыгрывать растлению культуры языка. Куда дальше, если БТС-98 модное междоимение – *блин!* – вместо его осуждения характеризует это вполне невинно. Для слов, где была бы целесообразна помета *нецензурное*, словарь позволяет себе нечто легализующее. Это наиболее уязвимо для осуждаемого произведения, с чем никак нельзя примириться.

Проблема неправильностей осталась открытой для словаря: одни он фиксирует (*езжай! кто крайний? пацан*), другие – нет (*ложить, прийти с армии* (вместо из), *километр, шбфер, свекла*). Конечно, существуют для этого специальные словари трудностей и неправильностей, но хотя бы части относящегося к этому материалу общий (к тому же "Большой") словарь миновать не должен. Особенно досадно, когда неграмотность благосклонно переводится составителями в разряд разговорности.

Нет, например, осуждения неуместных манерных мелиоративных замен: *он сейчас отдыхает* (спит), *купаются* (моется, не о ребенке), *мой Вовочка виноград не кушает* (не ест, не любит).

Эталонность нашего языка формировалась на севере, порча ползет с юга: *кто крайний?* (в болгарском языке, например, *край* значит конец); *пацан, соскучиться за маму* и т.п. Словарь к этому глуше, чем следует.

БТС-98 продолжает традицию оставлять междоимения, частицы, модальные слова без стилистических помет. Хорошо ли это?

В заключение несколько слов о пропусках БТС-98. В то время, как некоторые раритеты он подбирает (слова ограничи-

тельного употребления: *панькаться* (нянчиться), *такать* (звукподр.), *малоежка*, *прыщ* (агрессивный, человек маленького роста), *шмакодавка* (маленького роста); *челюскинец* (недотепла, козел отпущения?), более известные номинации остаются за его пределами. В БТС-98 нет: *абаза* (все, конец!), *аид* (еврей), *армяшка* презр. (кавказец, южанин), *гости* (менструация), *принять на грудь* (выпить спиртного), *восемь девок – один я*, *зеленые* (доллары), *итальяшка*, *кацо* (грузин), *лимита* (сброд, подонки), *в малине* (о мужчине среди женщин, напр., на фотографии), *метр с кепкой* (маленького роста), *музыкалка*, *мусор* (жарг. миллионер), *мухач* (боксер), *накрутиться* (завиться), *немочка*, *немчик*, *немчура*, *обвал* (кризис), *очуждение* (остранение Шкловского, Брехта), *прюдиизм*, *дай пять!*, *покупать ребенку одежду на рост, на ушах стоять* (очень стараться), *феня*, *ходя* (уст. китаец), *художка*, *"черемуха"* (газ), *черняшка* (черный хлеб), *сейчас шнурки поглажу!* (и не подумаю!), *шнурки в стакане* (родители дома), *япошка*.

Отличительной чертой развития лексики в наше время является быстрота ее модернизации. Словарь не может поспевать за изменениями, происходящими в жизни. В этом его жанровая обреченность – он всегда вынужден отставать. Учет неологизмов данным словарем очень удачен, хотя и не лишен некоторых просчетов. Не попали в словарь: *отовый телефон*, *пейджер*, *ноутбук*, *обменник*, *новые русские*, *евроремонт*, *картридж*, *шкафы-купе*, *памперсы*.

И, наконец, еще несколько частных замечаний. Технических погрешностей, с удовлетворением можно отметить, совсем мало. В отдельных случаях (особенно в словарных статьях с богатым фактическим материалом) составители забывают ставить регистровые пометы (см. *ходить* 6., 9., 17).

Нумерацию семем целесообразно помещать более жирным кеглем. Команды и другие побудительные клише лучше давать с восклицательным знаком. О родной тетке – "Тетя Нина Ивановна" (с. 1321) звучит как-то странно; "Дать кому-л. урок – вымыть пол в комнате" (с. 1397) неудачно. *Губа*, *гауптвахта*, *лучше солд.*, чем просто *разг.* Ко 2. пункту слова *нам* не лишне бы добавить примеры: *Не наш человек, сразу видно. // В окопе кто-то есть. – Наши!* В словарную статью *закатить* можно было бы добавить к третьему значению пример

закатить выговор, три наряда вне очереди (воен.); в статью *сколько* – темпоральные употребления: "Во сколько начало? Со скольких и до скольких работает почта?". Словарную статью *где* нужно дать с отступом – она сливается с предыдущей. *Ленинградского* метро уже больше нет. Нужен ли этот историзм? Положить в гостиницу (?) хирургическое отделение (с. 905). *С прибавками кто-нибудь* (с. 969) – не лучше ли (*о ком-либо*)? На 657 опечатка: Мало кто теперь *курит* носогреюку [написано *кулит*].

Следует отметить, что повышенное внимание БТС-98 к лексическим единицам,

располагающимся "ниже стилистического нуля", является его основным новшеством и заслуживает всяческого одобрения. Жаль только, что нетрадиционный словарный материал интерпретируется в целом ряде случаев недостаточно и неточно.

Наконец, тираж 10 000 для обсуждаемого словаря ничтожно мал. Вне сомнения потребуются переиздания. Было бы очень желательно, чтобы в результате дополнительной редакции обнаруженные мелкие недочеты были устранены. Это сделает такой хороший словарь еще более ценным.

В.Д. Девкин

Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: "Фолио-Пресс", 1998. 700 с.

В лингвистической парадигме конца XX века лексикографии принадлежит особое место. Только за один 1998 год почти одновременно вышло 3 новых толковых словаря, выполненных в рамках лингвистических институтов РАН: рецензируемый словарь, "Русский толковый словарь" В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, "Толковый словарь иноязычных слов" Л.П. Крыкина.

Бурное развитие лексикографии в последнее десятилетие обусловлено и необходимостью зафиксировать и осмыслить те активные процессы в лексике, которые отражают социальные изменения в жизни нашего общества, смену культурологических ценностей и ориентиров, и новыми тенденциями в гуманитарном знании – снятием идеологических запретов, создавшим возможность объективного отражения языковой реальности.

Темпы и активность процессов языка, с одной стороны, и потребность в осмыслении их с позиций новой ментальности современного человека, новой "языковой картины мира" – с другой, вызвали к жизни целые серии фундаментальных исследований [Ю.Н. Караулов, А.Н. Баранов, В.Г. Костомаров, Г.Н. Складневская, Н.А. Кунина, В.А. Козырев, В.Д. Черняк; "Русский язык конца XX столетия" (М., 1996) и др.], отражающих языковые изменения эпохи. Сложилась и лексикографическая традиция фиксации и осмысления новых явлений в лексике – словари новых слов и значений, отражающих языковые изменения в пределах разных хронологических отрезков: одного года, одного десятилетия, трех

десятилетий¹. К числу хронологически ограниченных, но уже ретроспективно, можно отнести и оригинальный по замыслу "Толковый словарь языка совдений" [Мокиенко, Никитина 1998].

Особое место принадлежит рецензируемому словарю. "Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения" (далее – Словарь XX в.) – подлинно новаторский лексикографический труд, замечательный по замыслу и высокопрофессиональный по исполнению. Как и в любой отрасли знания (а в лексикографии, насчитывающей много веков своего развития, тем более) создание нового типа исследования, новых принципов и методов анализа – особенно значимое для науки событие. Словарь XX в. и обладает этими свойствами.

Основанный на традиции академических словарей, он использует и те принципы и приемы лексикографической практики, которые уже получили апробацию в словарях предшествующих десятилетий, прежде всего словарях неологических: это и выбор лексикографического объекта описания, отражающего процесс изменений, и сами принципы словарного описания. Если в словарях инноваций были представлены способы описания новой лексики, а БАС-2 уточнил систему помет для лексики, переходящей в пассивный запас, "Русский

¹ См. серию "Новое в русской лексике", словари новых слов 60-х, 70-х, 80-х гг., а также "Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х гг.)". М., 1995.